

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ КАК ФАКТОР УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ

Г.А. Антипов

Новосибирский государственный университет
экономики и управления

А.З. Фахрутдинова

РАНХ иГС при Президенте РФ (СибАГС),
Новосибирск

dr.eji2@yandex.ru

Гегель в своих «Лекциях по философии истории» говорил, что вопреки рекомендациям извлекать поучения из опыта истории, народы и правительства ничему из истории никогда не учатся. С другой стороны, советы извлекать уроки истории нередко звучат и в современном социально-политическом дискурсе. Можно ли данную ситуацию представить в виде своего рода антиномии? Авторы дают отрицательный ответ. Суждение Гегеля вполне адекватно относительно его интерпретации истории как процесса разумного обнаружения мирового духа. Но история, понимаемая как деятельность преследующего свои цели человека, немислима без учета роли исторического опыта в качестве ее фактора. Опыт всякой деятельности накапливается в особых формах знания, управленческого по своей природе.

Ключевые слова: опыт, исторический опыт, деятельность, практика, прaxeология, цель, средства, мораль, Макиавелли, политика, маркетинг, менеджмент.

HISTORICAL EXPERIENCE AS THE FACTOR OF MANAGEMENT OF SOCIAL PROCESSES

G.A. Antipov

Novosibirsk State University of Economics
and Management

A.Z. Fakhrutdinova

Siberian Branch of Russian Presidential Akademy

dr.eji2@yandex.ru

In his «Lectures on the philosophy of history» Hegel said, that despite the recommendations to extract the lessons from the historical experience the peoples and governments history never learn anything from history. On the other hand, the advises to learn lessons of history are often given in the modern socio-political discourse. Is it possible to present this situation as a kind of antinomy? The authors provide the negative answer. The Hegel's judgment is quite adequate regarding his interpretation of history as a process of reasonable manifestation of the universal spirit. However history understood as the activity of man pursuing his goals, cannot not be conceivable without considering the role of historical experience as its factor. The experience of any activity is accumulated in the special forms of knowledge, which is managerial by nature.

Key words: experience, historical experience, activity, practice, praxeology, goal, means, morality, Machiavelli, politics, marketing, management.

Довольно часто и по разным поводам ссылаются на известное рассуждение Гегеля, отрицавшего всякую возможность учить уроки истории. «Правителям, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории, – писал он. – Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее. В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния. В сутолоке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего»¹.

С не меньшей частотой, однако, можно встретить сентенции прямо противоположного свойства. Говорят, к примеру, что постановка ориентиров на долгосрочную перспективу – исходное условие устойчивого экономического развития. Обеспечивая последовательность государственной экономической политики, они тем самым способствуют росту частнопредпринимательской активности. Об этом свидетельствует исторический опыт и стран – лидеров современного мира (вспомним «новые рубежи» Ф. Рузвельта, стратегию послевоенного возрождения Германии и Японии, нынешний рост Китая, опирающийся на последовательно осуществляемую долгосрочную стратегию), и отечественный – от

Петра I до плана ГОЭЛРО и далее. Возможно все же, «по статистике» количество вторых посылов превзойдет количество первых в свете явно акцентированного сейчас интереса к нашей истории.

Но в соотношении этих двух подходов важнее обратить внимание на некоторые вроде бы несообразности у Гегеля. Он как будто нарушает один из принципов своей логики: диалектику единичного и общего, акцентируя индивидуальность, неповторимость тех или иных исторических состояний. Ведь противоположности, как это обычно понимается, сходятся; отдельное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Как же быть с пресловутым «снятием этой непосредственной единичности»?

А priori наивно было бы двинуться в направлении поиска «ошибок» у Гегеля. На самом деле приведенный выше тезис вполне соответствует принципиальным установкам его философии. Просто смысловое богатство рассуждения отца диалектической логики не вполне соответствует форме его отображения.

Прежде всего, Гегель имеет в виду «моральные поучения», которые подчас пытаются извлечь из истории. Подобный опыт, по Гегелю, пригоден для нравственного воспитания детей, но судьбы народов и государств, переживаемые ими осложнения находятся за пределами нравственной области. А именно народы, согласно Гегелю, являются «индивидами» всемирной истории, а ее целями – государства. Хочется думать, что он имел в виду примерно тоже, что Маркс позднее говорил по поводу Макиавелли: рассмотрение политики у того освобождено от морали. Характерен тот сарказм, с которым Гегель отзывался о

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 1993, 2000. – С. 61.

ссылках деятелей французской революции на греческие и римские примеры.

Итак, возможна ли прагматическая история и можно ли полагать нравственный опыт действующим фактором, так или иначе детерминирующим направленность социальных процессов? И опять налицо альтернатива. С одной стороны, едва ли не штампом общественного сознания является представление, что политика – весьма сомнительная в моральном отношении область человеческого бытия, дело достаточно грязное. У политика отсутствуют постоянные принципы, постоянны лишь интересы. Расхожей для публицистической литературы стала ссылка на У. Черчилля, который, будучи главой английского правительства, уже 22 июня 1941 г. выступил в поддержку Советского Союза с обещанием оказывать эту поддержку всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Показателен в связи с этим его ответ на вопрос, не будет ли для него, злейшего врага коммунистов, отступлением от принципов поддержка Сталина в войне против Германии. «Нисколько, – ответил он. – У меня одна цель – уничтожение Гитлера, и это сильно упрощает мою жизнь. Если бы Гитлер вторгся в ад, я в палате общин, по меньшей мере, благожелательно отозвался бы о Сатане. Не менее расхожим стал и отзыв Рузвельта об одном из латиноамериканских диктаторов: «он, конечно, сукин сын, но – это наш сукин сын». Теоретическим коррелятом подобных сюжетов выступает принцип «цель оправдывает средства».

Первым, кто действительно последовательно выносил политику за скобки морального опыта, был Макиавелли. Вот один из советов, который этот титан Возрождения дает политическому деятелю в своем знаменитом трактате: «Излишне гово-

рить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямотушие и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержать данное слово и умел кого нужно обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность. Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй – зверю; но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе человека и зверя... Разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам, и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется»².

За протекшие с того времени, когда писались эти строки, века мало что изменилось. И все же найдется ли еще какая-либо область жизни, столь же подверженная моральным оценкам? Речь любого, даже самого заурядного политика напшигована, как правило, словами «благо», «добро», «справедливость» и т. п. Или обратимся к судьбе самого Макиавелли, его наследно. Даже имя его на многие времена стало нарицательным, синонимом недопустимого аморализма. «Государь» надолго попал в *«index librorum prohibitorum»* (список запрещенных книг), начатый еще в XVI в. и систематически пополняемый книгами, которые

² Макиавелли Н. Избр. соч. – М.: Худ. лит., 1982. – С. 331.

признаны католической церковью еретическими и запрещены для верующих.

В настоящее же время «Государь» входит в программу любого университетского курса политической теории. Более того, нередко автор его вообще воспринимается как гуру реалполитики и менеджмента³. Как утверждается, интерес и страсть, которые Макиавелли посвятил политике, актуальны и в менеджменте в сложном мире бизнеса, где мы можем найти все атрибуты успеха и провала, трусости, не говоря уже о предательстве, заговоре и стратегиях, описанных в «Государе». Причем довольно отчетливо формулируется весьма нетривиальная презумпция о поразительном сходстве между Италией XV в. и крупными корпорациями конца XX в. Говорят, что «Идея четкого и последовательного менеджмента силы – суть Макиавелли; уклончивость и нерешительность растрачивают ресурсы и ведут к упадку и забвению. Храбрость должна поощряться. Сторонников нужно поддерживать при условии, что они действительно необходимы. Тех, кто остается нейтральным в трудных ситуациях, следует рассматривать как врагов, поскольку они не поддержали ваше дело и тем самым оказались против вас»⁴. Впрочем, некоторые правила менеджмента, по Макиавелли, отнюдь не источают аромата того времени, когда жил их создатель, и вполне непосредственно могут быть перемещены в контекст сегодняшнего дня, например: «Государь должны передавать другим дела, вызывающие недовольство, а милости оказывать сами».

Вместе с тем отнюдь не все теоретики менеджмента соглашаются с тем, что «современный исполнительный/генеральный

директор – это Чезаре Борджиа? Что политическое государство – то же самое, что и коммерческая организация? Макиавелли вряд ли согласился бы с этим»⁵.

Переводя рассматриваемую коллизию в контекст политической жизни, получим следующую картину. Центром, ядром политики являются власть, могущество, господство, т. е. способность навязывать свою волю другим людям, управлять их поведением с помощью насильственных или ненасильственных средств. Вокруг этого строится вся система политических отношений. Существуют и свои специфические «законь» власти, совершенно чуждые подчас человеческим в привычном смысле слова отношениям. Куда как благородно и вроде бы справедливо поступил шекспировский король Лир, разделив и раздав перед уходом от власти свое царство дочерям. А что же получилось в результате? Прекрасный поступок заботливого отца положил начало чудовищному клубку преступлений, обманов, убийств. Разразилась гражданская война, приведшая к гибели, прежде всего, благородных героев, разрушениям и несчастьям. Причина ясна, Лир действовал по моральным, человеческим правилам, а политика, власть, перефразируя Макиавелли, содержит в себе природу не только человека, но и зверя. Говоря современным языком, можно прийти к выводу, что своими корнями власть уходит в физиологические, этологические (формы поведения стадных животных) и социоэкологические области. В этом смысле власть приобретает как будто бы иррациональный, вне разумный, вне человеческий вид.

С подобных позиций может представиться вполне обоснованной критика социального видения Маркса и его последовате-

³ Макиавелли, маркетинг и менеджмент. – СПб.: Питер, 2004.

⁴ Там же. – С. 22.

⁵ Там же. – С. 175.

лей. По Марксу, сущность человека исключительно социальна («совокупность всех общественных отношений»). Маркс еще вполне в плену идей эпохи Просвещения. Он исходит из предпосылки рациональности человеческого поведения. Однако человек не только разумен, он еще и не разумен, абсурден, о чем европейская философская традиция в лице Кьеркегора, Ницше, Шопенгауэра и других уже с середины XIX в. пытались предупредить всех имеющих уши. Не всегда, как оказалось с успехом. Германия эпохи Гитлера, наш исторический опыт. С каким изумлением, надо полагать, моментально переросшим в тяжелую озлобленность (что психологически вполне понятно), творцы Октября увидели, что, казалось бы, самые разумные планы на счет социального устройства вовсе не срабатывают. Не отсюда ли знаменитые: «качать беспощадно», «расстреливать на месте одного из десяти виновных в тунеядстве», «объявить врагами народа» и т. п.?

Однако, оставаясь в русле подобной аргументации, мы просто разведем мораль и политику в две неконфигурируемые плоскости и вместе с тем явно вступим в конфронтацию с реальной, по крайней мере, современной действительностью. Скажем, бывает, что политики, строящие свою предвыборную кампанию, ее стратегию исключительно на основе апелляции к моральным ценностям, побеждают. В то же время политика, уличенного во лжи, сокрытии информации и других неблагоприятных с точки зрения морали поступках, в условиях развитой демократии может ожидать провал, импичмент и т. п.

Вместе с тем опять-таки довольно явно существует убеждение, что политика в своей основе меньше связана с вопросами справедливости, чем с вопросами вла-

сти. Общее благо как цель политики зачастую подменяется другой целью – сохранением и усилением собственной власти политика.

В общем и целом тематизируются две существенно разные позиции.

А. Позиция морализации власти, согласно которой политика должна формироваться в соответствии с моралью и правом. Условно ее можно обозначить как «морализм».

В. Вторая позиция разделяет вопросы власти и морали, признавая, что политика вынуждена в определенном смысле быть грязным делом. Условно ее можно обозначить как «прагматизм» или как «реалполитику».

Главное возражение против морализма заключается в констатации его непрактичности, в недостаточном реализме. Преуспевать в политике и быть нравственным человеком невозможно. Морализм в политике бесплоден и даже, напротив, может приводить к совершенно неприемлемым последствиям. Там, где возникает объективное расхождение фундаментальных интересов, там рано или поздно возникает борьба за власть, в которой побеждают отнюдь не люди с чистой совестью. Даже жители идеальной страны Утопии, порожденной фантазией Томаса Мора, спасались от внешней угрозы, прибегая к подкупу и лжи, и только таким способом избегали войн.

Главное возражение против прагматизма в том, что он ведет к полному цинизму, принятию собственных эгоистических интересов за высшую мораль, а в конце концов, разрушению всего социального порядка. Например, Локк в своей концепции общественного договора отрицает ложь как средство политики. Любая ложь, считал он, представляет угрозу для общественного по-

рядка, возврата к естественному состоянию и войне всех против всех. Ложь подрывает доверие между людьми, ибо, обманывая, мы нарушаем основы всех социальных связей.

Характерно, что в 1780 г. Берлинская академия наук объявила конкурс исследований на тему: «Полезно ли для народа обманывать его – либо вводя в заблуждение, либо оставляя при ошибочных мнениях?». Показательны и результаты конкурса. Всего было прислано 42 работы. Из 33 допущенных к конкурсу 20 содержали однозначно отрицательный ответ. Победило, однако, сочинение, положительно решавшее поставленный вопрос, правда, с оговоркой: «Учитывая существующий моральный и культурный уровень народа, обман его либо же оставление его в неведении относительно намерений, целей и поступков власть имущих является морально правильным при условии, что действительно служит причиной его счастья».

Нетрудно увидеть, что подобный подход был присущ Платону в его конструировании идеального государства. Заметим попутно, что ни гениальный грек, ни его преемники в попытках осчастливить человечество не задавались вопросом, а достижимо ли всеобщее счастье в принципе? Не имеем ли мы в данном случае своего рода аналог вечного двигателя, «вечного двигателя» в социальном смысле? Но тогда попытки построить последний должны иметь такие же перспективы на успех, что и в первом случае. Ирония же истории в том, что примерно в то же время, когда Берлинская академия проводила свой конкурс, Французская академия наук постановила отвергать с порога любые проекты вечного двигателя первого рода.

Обычно авторство принципа «цель оправдывает средства» приписывают иезуи-

там и по большей части его осуждают. На этот раз поверим, однако, Троицкому. Сошлемся в данном случае на статью «Их мораль и наша», в которой он писал: «Иезуитский орден, созданный в первой половине 16 века для отпора протестантизму, никогда не учил, к слову сказать, что всякое средство, хотя бы и преступное с точки зрения католической морали, допустимо, если только оно ведет к цели, то есть к торжеству католицизма. Такая внутренне противоречивая и психологически немыслимая доктрина была злонамеренно приписана иезуитам их протестантскими, а отчасти и католическими противниками, которые не стеснялись в средствах для достижения своей цели. Иезуитские теологи, которых, как и теологов других школ, занимал вопрос о личной ответственности, учили на самом деле, что средство само по себе может быть индифферентным, но что моральное оправдание или осуждение данного средства вытекает из цели. Так, выстрел сам по себе безразличен, выстрел в бешеную собаку, угрожающую ребенку, – благо; выстрел с целью насилия или убийства – преступление. Ничего другого, кроме этих общих мест, богословы ордена не хотели сказать. Что касается их практической морали, то иезуиты вовсе не были хуже других монахов или католических священников, наоборот, скорее возвышались над ними, во всяком случае, были последовательнее, смелее и проницательнее других»⁶.

В целом же по поводу проблемы цели и средств в политике можно сказать следующее. Политика есть вид деятельности, есть сфера практического решения задач определенного типа. Но с этой, праксеологической, точки зрения принцип «цель оправ-

⁶ Этическая мысль. Научно-публицист. чтения. 1991. – М.: Республика, 1992. – С. 215–216.

дывает средства» абсолютно адекватен. Не соответствие одного другому всегда будет вести к неуспеху на практике. Ценностью, регулирующей человеческую практику в любом ее виде, выступает не добро (благо), а польза («для пользы дела»). Но мораль – не деятельность. «Моральная деятельность», если подходить строго, выражение бессмысленное. Мораль – это не нормы деятельности, а нормы поведения, это основания выбора целей. В этом смысле практика находится «по ту сторону добра и зла». Совершенно справедливо на данное обстоятельство указывал Бертран Рассел: «Однако политика включает в себя так же вопрос о средствах. Бесполезно преследовать политическую цель при помощи методов, заведомо обреченных на неудачу; если цель признается хорошей, то мы должны избрать такие средства, которые обеспечивают ее достижение. Вопрос о средствах можно рассматривать в чисто научном плане, безотносительно к тому, являются ли цели хорошими или дурными. “Успех” означает достижение намеченной вами цели, какой бы она ни была. Если существует наука успеха, то ее можно изучать на примере успехов порочных людей не хуже, чем на примере успехов людей добродетельных, – даже лучше, что примеры добивающихся успехов грешников более многочисленны, чем примеры добивающихся успехов святых. Однако такая наука, будучи раз установлена, пойдет на пользу святому точно так же, как и грешнику, ибо святой, если он вступает на поприще политики, точно так же должен жаждать достижения успехов»⁷.

Власть, согласно Макс Веберу, – это способность отдельно от человека или группы людей утверждать в сфере соци-

альных отношений, несмотря на сопротивление, собственную волю. В этом общем смысле носителями власти являются родители в семье, директора промышленных предприятий, офицеры в армии, лидеры политических партий, главы правительств и т. п. Политическая власть или господство отличаются от всех других форм общественной власти своей суверенностью. Она распространяется на всех граждан, она выносит окончательные решения, обладая монополией на физическое насилие и принуждение.

Это означает, что власти, по ее природе, присуще ограничение свободы выбора индивида. А свобода выбора – основное качество личности. С одной стороны, власть берет на свои плечи ответственность за принуждение личности к тому или иному выбору, с другой – ограничивает ответственность самой личности. Это – источник напряженного, коллизийного отношения власти и личности, политики и морали, ибо последняя выступает как основание свободы личности. А свобода – высшая ценность для человека.

Власть ориентирована на общественное благо, но оно отнюдь не совпадает с тем, что считает для себя благом личность. Но и политик – личность. А значит, его благо отнюдь не гармонично сочетается с благом общества. Наконец, политика, как уже говорилось, – род практики, деятельности.

Итак, отношение политики и морали противоречиво и даже, в определенных отношениях, антиномично. И это – объективная коллизия человеческого бытия. Здесь недостижима абсолютная гармония. Возможна лишь относительная, релятивная комплиментарность, достижимая при данных конкретных условиях. Это вопрос о границах, за которыми начинается

⁷ Рассел Б. История западной философии. – М., 1959. – С. 528–529.

либо крах политики, либо крах личности, и значит – общества в целом. Универсального средства для разрешения морально-политической дилеммы не существует, как не существует универсального лекарства от всех болезней. Эта дилемма всегда разрешается (если разрешается) в зависимости от уровня моральности общества, его реальных моральных ценностей. «Политику, – писал Томас Манн, – называют “искусством возможного”, и политика и в самом деле является сферой, близкой к искусству, поскольку она, подобно искусству, занимает творчески-посредническое положение между духом и жизнью, идеей и действительностью, желательным и необходимым, мыслью и действием, нравственностью и властью. Она включает в себя немало жестокого, необходимого, аморального, немало от expediency (целесообразности, выгоды) и низменно-материальных интересов, немало “слишком человеческого” и вульгарного, и едва ли существовал когда-либо политик, государственный деятель, который поднявшись высоко, мог бы без всяких колебаний по-прежнему причислять себя к порядочным людям. И все же: в сколь малой мере человек принадлежит одному только миру природы, столь же мало политика связана с одним только злом. Не становясь дьявольской, губительной силой, не превращаясь во врага человечества, не извратив свойственный ей творческий импульс до постыдной и преступной бесплодности, политика никогда не сможет полностью избавиться от идеального и духовного начала, никогда не сможет отбросить нравственный и человеческий элемент своего существа и свестись к безнравственности и подлости, ко лжи, убийству, обману, насилию. В таком случае она была бы уже не искусством, не творчески посредствующей и

созидающей проницей, а слепым и бесчеловечным бесчинством, самоубийственным в своем всеуничтожающем нигилизме, который ничего не способен создать и одерживает лишь мимолетные зловещие победы. Поэтому народы, призванные к политике и рожденные для нее, неосознанно стремятся сохранить политическое единство мысли и действия, духа и власти: они занимаются политикой как искусством жизни и власти, немислимым без использования жизненно-полезного злого, сугубо низменного начала, но никогда не упускающим из виду более возвышенную сферу – идею, общечеловеческую порядочность, нравственность. Таково их “политическое” сознание, и на этом пути они примиряются с миром и с самим собой»⁸.

Рассмотренный прецедент Макиавелли вполне убедительно демонстрирует само наличие феномена исторического опыта в контексте социальных процессов, а значит, возможности его использования. Как же в таком случае быть с приведенным выше отрицательным на сей счет мнением Гегеля?

Обычно не замечают того теоретико-познавательного ракурса, в плоскости которого интерпретируется история в гегелевских «Лекциях по философии истории». Он толкует ведь не об историческом процессе как таковом, а об историкоописании, историографии в исходном значении этого слова. Он различает три типа истории в данном смысле: первоначальную, рефлексивную и философскую. Его рассуждение насчет исторического опыта относятся к подвиду рефлексивной истории, который называется им «прагматической историей». Этот вид историографии имеет своими истоками античность, его императивом стало

⁸ Манн Т. Соч. В 10 т. Т. 10. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 317–318.

вырванное из контекста Цицероновского трактата «Об ораторе» выражение «Historia magistra vitae» (А история – свидетель времен, свет истины, жизнь памяти, учительница жизни, вестница старины – в чем как не в речи оратора находит бессмертие?). Действительно, еще и во времена Гегеля задачу историографии могли видеть в том, чтобы давать моральные поучения.

Подобное понимание предмета истории Гегелю, конечно, было неприемлемо. Во-первых, потому что форма историографии его времени – история/память, способ существования которой – нарратив (повествование). Согласно неокантианцам баденской школы, метод конструирования нарратива – индивидуализация, индивидуализирующая репрезентация действительности. Отсюда понятны слова Гегеля об индивидуальной неповторимости каждого исторического состояния. Такая история, понятно, не может быть «наставницей жизни», из Цицероновского суждения только «жизнь памяти» выражает ее основную суть. Во-вторых, творцами истории являются отнюдь не люди, а мировой дух. А мировой дух хитер, так «он заставляет действовать для себя страсти, притом то, что осуществляется при их посредстве, терпит ущерб и вред». Философская история, по Гегелю, и призвана представить историю как процесс разумного, необходимого обнаружения мирового духа. Ясно, в подобном плане рассуждений ни о каком историческом опыте, необходимости его учета говорить не представляется возможным. Относительно своих презумпций, таким образом, Гегель совершенно последователен и «логичен».

Подобная модальность – обращение к теме исторического опыта приобретает смысл лишь при условии, когда история воспринимается как «деятельность пресле-

дующего свои цели человека» (К. Маркс). Но тогда, строго говоря, любой опыт в абстрактном подходе будет «историческим», ибо представит констатацию соотношения цели и результатов уже осуществленной и тем самым успешней в прошлое деятельности.

Опыт всякой деятельности, например политической, есть всегда представленный в виде знания механизм реализации определенных целей. Экспликация подобного рода механизмов, конечно, не может входить в число задач историографии, даже если мы будем полагать ее в качестве истории/науки. Это не «умозрительное» знание, ориентированное на «знание и понимание ради самого знания и понимания», истину и ничего более, говоря языком Аристотеля. На современном языке данный тип знаний идентифицируют терминами: техника, приёмы, правила, нормы, стратегии, а их теоретическое описание – как методики, методические знания.

Первоначально подобные знания фиксируются в виде своего рода максим, или формул на уровне здравого смысла. Так, *Divide et impera* («Разделяй и властвуй») было формулой, которой руководствовался еще римский сенат. Выражает она принцип государственной власти, согласно которому лучший метод управления разноплеменными государствами – разжигание национальной розни между народностями. Позднее подобные знания стали сводиться в компендиумы и трактаты. Примером может служить тот же «Государь» Макиавелли. Это своего рода политическое руководство, сборник рецептов, помогающих государю удерживаться у власти или захватывать ее. Как нередко отмечается, в мысли дальневосточных мудрецов вообще в основном концентрировались на проблемах, связанных

с тем, что двигает людьми, что направляет их действия, с тем, какие механизмы могут обеспечить скрытное и эффективное управление индивидуальными и коллективными субъектами в целях либо защиты и нападения, либо стабилизации отношений обмена. В данном случае наибольшее количество ссылок получают трактаты Сунь-цзы (VI–V вв. до н.э.) с его рекомендациями вроде «Тот, кто хорошо сражается, управляет противником и не дает ему управлять собой и т. п.».

Польский философ и логик Тадеуш Котарбинский предложил и сделал попытку синтезировать и объединить подобного типа знания в одну общую науку – праксеологию, считая ее главной задачей разработку и обоснование норм эффективной («исправной») деятельности. «Для решения этой задачи, – писал он, – необходимо использовать практический опыт, достижения бесчисленного множества действующих субъектов. Именно на этом практическом опыте и намеревается строить свои обобщения теоретик эффективной работы, изучая самым внимательным образом историю развития разного рода умений, а также заблуждений и неудач, подмечая существенные черты в искусных приемах действующих субъектов, блестяще выполняющих свою работу; внимательно прослеживая пути достижения исправности, пути, ведущие от фазы беспомощности к фазе полного овладения данным материалом; тщательно исследуя то, что отличает передовую технику от средней... Практи-

ческий опыт он может использовать, по крайней мере, двумя способами: либо делая обобщения на основе наблюдений, либо принимая и включая в свою систему обобщения, сделанные другими».

Итак, праксеологическое знание, в частности политическая праксиология, есть род научного знания, хотя и особого вида. Они относятся к компетенции методических, инженерных дисциплин. Это не знания о свойствах и законах какой-либо сферы действительности, а знание способов ее преобразования соответственно определенным целям. Поэтому и в философии данная область познавательной деятельности «высвечивает» особый круг проблем. Как можно было видеть, в современном дискурсе подобный тип проблем и знаний часто ассоциируется с понятиями «маркетинг» и «менеджмент».

Литература

- Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 1993, 2000. – 480 с.
- Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. – М.: Экономист, 1975. – 271 с.
- Макиавелли Н. Избр. соч. – М.: Худ. лит., 1982. – 421 с.
- Мани Т. Соч. В 10 т. Т. 10. – М.: Госполитиздат, 1961. – 440 с.
- Макиавелли, маркетинг и менеджмент. – СПб.: Питер, 2004. – 272 с.
- Рассел Б. История западной философии. – М., 1959. – 935 с.
- Этическая мысль. Научно-публицист. чтения. 1991. – М.: Республика, 1992. – 446 с.